

**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

СЕРГЕЙ ЗВЕРЁВ

ОБЪЕКТ 623

Сергей Иванович Зверев
Объект 623
Серия «Морской спецназ»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4885324
Зверев С. И. Объект 623 : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-61075-4

Аннотация

Севастопольский завод по ремонту субмарин готовят к передаче под юрисдикцию России. Однако накануне этого события на объекте начинает происходить что-то непонятное. Сначала исчезла военная охрана, затем в городке появились люди с явно криминальной внешностью. На разведку была выслана группа аквалангистов, но она бесследно пропала. Тогда командование ВМФ России отправляет на объект группу морских спецназовцев. Проникнув в грот, спецназовцы становятся свидетелями подготовки невиданного по цинизму и наглости террористического акта...

Сергей Зверев

Объект 623

Люди, которые ищут преступника, редко рассуждают логично. Они думают только о том, чтобы наказать.

Майн Рид. Всадник без головы

Солнце опускалось за гору Каурус, изрытую трещинами, сколами и коронованную развалинами генуэзской крепости. Блики заходящего светила рассыпались по поверхности бухты, играли в воде золотистыми красками. Местечко поражало своей природной красотой. Бухта шириной в двести метров волнообразно вгрызалась в Крымский полуостров, напоминая норвежский фьорд. В древности в этом районе проходил геологический разлом меридианного направления. С обеих сторон ее поджимали обрывистые скалы, а в самой оконечности, с западной части, подпирала каменистая гора Каурус, похожая на тушу спящего бегемота. В том месте, где обрывалась бухта, до самой вершины плато громоздились живописные скалы, а напротив горы, на восточном склоне залива, расположился небольшой, унылый и неухоженный поселок Пыштовка, по ряду причин отказавшийся от участи центра массового паломничества туристов. Невзрачные домишки сползали с каменистых террас к обломкам бетонной набережной. Зеленели сады, устремлялись в небо маковки

кипарисов и долговязых пирамидальных тополей. Ближе к вершине подрастала этажность зданий, но от этого они не делались представительнее и наряднее – поселок городского типа Севастопольского района Крымской области переживал не лучшие времена.

На восточном берегу бухты было достаточнолюдно. У дощатого причала стояли несколько лодок и проржавевший прогулочный катер с украинским флагом над рубкой. Кучка «транзитных» туристов жалась к обломкам некогда приличной набережной и рассеянно внимала экскурсоводу. А тот живописал красоты Калабановской бухты, демонстрировал развалины генуэзской крепости и сетовал на решительную невозможность к ней приблизиться (кому охота тащиться в такую даль?). Экскурсовод смеялся: здесь все целебное – солнце, воздух и вода и даже грязь, которую в округе можно наблюдать с избытком. Туристы уже загружались в свой катер. Девчонка-старшеклассница в забавных шортиках делала последние снимки на цифровую «мыльницу». Пейзажи ей надоели, она снимала все подряд: обшарпанный причал, парочку «автомобилеподобных механизмов» на парковке, облупленные крыши, относительно приличное строение местного филиала головного севастопольского банка (какой-то «прощай-финанс»). Запечатлела местных пацанов, сидящих с кислыми минами на парапете, сложную бетонную конструкцию, сползающую в воду, рыбаков с удочками, оккупировавших каменистое побережье за парапетом. Сняла бо-

родатого мужчину в мягкой панамке и куцей штормовке – тот угрюмо смотрел на поплавок, покосился на «корреспондентку» и укоризненно покачал головой. Вытащил снасть из воды, вздохнул и принялся менять обглоданную наживку. С катера девчонку нетерпеливо окликнули – она опомнилась, засемила к причалу, прыгнула на палубу и принялась смиренно выслушивать нарекания упитанной молодящейся женщины. Катер издал протяжный гудок, потащился задним ходом от причала и через минуту уже рассекал застывшие воды бухты, в которых никогда, даже в самый сильный шторм, не бывает волнения...

Октябрь в этот год выдался на радость. Мягкий, безветренный, с шадящим температурным фоном. Погодка на загляденье. Бултых! – один из пацанов, оседлавших парашют, свалился в воду. То ли собственная инициатива, то ли кто-то из товарищей помог. Послышались жиденские смешки. Нырлящик вынырнул, отфыркался, с невозмутимой миной поплыл вразмашку к сложной бетонной горке и вскоре уже выбирался на берег. Бородатый мужчина в панамке и штормовке снова неодобрительно качнул головой – никаких условий, и так ничего не клюет! Он сменил позу – пристроил удочку в пластиковую рогатину, сел на камень, вынул жестянку с крючками и грузилами и принялся в ней что-то выискивать. Мужчина выглядел не очень эстетично – какой-то помятый, неухоженный. Из-под панамки свисали спутанные седые волосы, борода торчала клочьями. Штормовка, застегнутая на

все пуговицы, производила жалкое впечатление – в двадцать первом веке ее, похоже, ни разу не стирали. Рядом с мужчиной обреталась облезлая сумка-тележка, из нее торчали кусок целлофановой пленки и край садка для еще не пойманной рыбы.

Смотреть на неподвижный поплавок человеку надоело – у морских обитателей сегодня напрочь отсутствовал аппетит. Он покосился по сторонам – справа на камнях рыбачили еще двое, такие же буки и неудачники. С набережной доносился вялый смех. Со стороны поселка спускались по разбитой улочке трое мужчин – до них еще было далеко. Взгляд мужчины переместился на гору Каурус – с места, где он сидел, развалины крепости (фактически горка неинтересных булыжников) почти не просматривались. Мутнеющий солнечный диск закатывался за вершину. Взгляд рыбака сместился ниже – к подножию горы, где на узкой полосе у бухты жалось несколько строений с плоскими крышами и пустыми оконными глазницами – в них никто не жил, и смотрелись они жутковато. Он покосился влево – со стороны моря показалась лодочка с единственным человеком на борту, он лениво перебирал веслами. Черное море отсюда не просматривалось ни под каким углом – при входе в бухту скалистый берег делал несколько крутых поворотов. Снова взгляд переполз на гору. Напротив места, где он сидел, возвышались бетонные надолбы – остатки некогда внушительного причала. В нижней части горы зияло отверстие – что-то вроде пе-

щеры. Его окружали каменные террасы, ступенчатые бетонные конструкции, изъеденные трещинами и заросшие стелющимся кустарником. Мужчина украдкой усмехнулся – умели «древние» строить, ни за что не догадаешься, что перед тобой ворота в чудо фортификационного искусства...

Солнце спряталось за гору, и подул ветерок. Приметы осени все же ощущались. Рыбак поежился – что-то стало холодать... Как бы невзначай посмотрел через плечо. Мужики, расположившиеся по соседству, уже сматывали удочки. Потянулась по домам местная юная поросль. Трое мужчин уже спустились с возвышенности, стояли кучкой на дальней стороне причала и давали прикурить друг другу. «Печально здесь, – отметил мужчина, – исконная украинская лень, помноженная на тотальное безденежье. А ведь такую Мекку могли отгрохать для туристов. Чего тут только не было в приснопамятные времена – и дворец графа Николая Апраксина, и дача актрисы Соколовой. А что осталось? Облезлая церковноприходская школа да одноклассное земское училище, заросшее бурьяном. А ведь когда-то Калабановская бухта считалась прибежищем лестригонов – великанов-людоедов из греческой мифологии, отмечались в ней тавры, скифы, римляне, греки, гетуэцы... и что осталось в итоге? Как гунны разрушили, так до сих пор в себя прийти не могут...»

Ожило переговорное устройство в ухе, замаскированное клочками волос. Завибрировал крохотный микрофон, спрятанный в бороде – будь он не ладен, этот безвкусный шпи-

онский роман... Абонентка, жаждущая общения, кокетливо покашливала.

– Алло, дорогой, ты где? – прощепетал сексуальный женский голосок.

– Очнулась, нате вам, – недовольно проворчал рыбак. – Давненько вас что-то не слышно, Лидия Максимовна, мы уж волноваться начали, переживать, где вы да как вы... «Не лежите ли в канаве с перерезанным горлом», – подумал он, но озвучивать не стал.

– Да, товарищ майор, я умею очаровательно молчать, – пропела колокольчиком старший лейтенант женского пола и тихо засмеялась. – Кстати, повторяю свой первоначальный вопрос, Глеб Андреевич, ты где, дорогой?

– Рыбачу напротив объекта, – проворчал рыболов.

– Ага, в таком случае я тебя вижу – поскольку стою высоко на горе, у здания местного банка, вокруг которого уже загораются фонарики, и вся бухта у меня как на ладони. Как дела, товарищ майор? Вы очень плохо выглядите в этой глупой панаме.

– Никак, – буркнул рыбак, косясь на приближающуюся с запада одинокую лодочку.

– Я тоже пока не родила, – охотно сообщила коллега Лидия Баклицкая. – Посочувствуй, командир, я уже три часа тупо брожу по этому богом забытому поселку – накрасилась, причесалась, исправила природные недостатки. Кушаю мороженое, пью газировку за рупь двадцать – вся такая ин-

тересная, позитивная. Тоска смертная, – фыркнула Лида. – Мне и так весь день сонно...

– Опять вчера легла спать сегодня? – посочувствовал мужчина.

– Точно, – хихикнула собеседница.

– Дружила с кем-то?

– Глупости, – фыркнула подчиненная. – Ночью дружбой не займешься, командир. Ты в курсе, что я замуж собралась?

– Да уж обмыли злые языки твои косточки... – Он невольно улыбнулся.

– Но ведь местным хахалям не объяснишь! – Она манерно начала возмущаться: – Совсем недавно один из тутошних «чебуреков» – он приклеился ко мне в кафе – упорно предлагал заняться сексом. И так подкатывал, и эдак. Мол, давай согрешим, не пожалеешь, ты приезжая, увезешь из нашего поселка самые приятные воспоминания, а потом еще и подругам будешь меня рекомендовать тоскливыми зимними вечерами. Мол, отпразднуем завершение курортного сезона. Я устала объяснять товарищу, что больше не могу – во всяком случае, сегодня. И так объясняла, и по-другому. Бесплезно, Глеб. Я всё перепробовала, но ничего не помогало. Привязался как банный лист. Проще было согласиться на его требования, чем объяснить, почему я не хочу.

– Надеюсь, он жив? – усмехнулся рыбак.

– Я тоже надеюсь, – драматично вздохнула коллега. – В пыльном садике, куда он меня отвел, его здоровому сну до

утра ничто не помешает.

– Поосторожнее там, – предупредил мужчина. – По моим наблюдениям, в поселке и в бухте не все ладно. Витает здесь некое напряжение – похоже, наши командиры были в чем-то правы. Шатаются подозрительные личности, высматривают чужаков. Не к добру тихо. У входа в объект отсутствует охрана из украинских военнослужащих – а по идее, их тут должно быть не меньше дюжины.

– Охрана есть, Глеб, – немного подумав, сказала Лида. – Но эти люди без формы. Мне их сверху отчасти видно. Они сидят за бетонными обглодышами под террасой и контролируют «входные ворота», а также все, что может через них проплыть. Отсюда не вижу, есть ли у них оружие – я же не орлица, чтобы все видеть. Но, думаю, есть. Остается лишь предположить, куда подевались украинские военнослужащие...

– Сколько их?

– По-моему, четверо. Убедительные парни, одеты в штатское. Два брюнета, два блондина. – Женщина не удержалась, громко зевнула. – Ладно, Глеб, не умеешь развеселить – так хоть расстрой чем-нибудь. Что тут у нас происходит?

– А я знаю? – отозвался рыболов. – Ты бы не торчала на горе истуканом, товарищ старший лейтенант. Не хочешь бродить по городку – так сядь в машину и не отсвечивай. Оставься на связи. Как стемнеет, будем брать.

– Кого брать? – встрепенулась Лида.

– Это я к слову. Жди сигнала. Чуть шумну, хватай мешок

с амуницией, надеваешь шапку-невидимку и кривой дорожкой – вниз. Ты в курсе, где наш третий друг? Такое ощущение, что он забил на службу или потерял переговорное устройство. «Или тоже лежит в канаве с перерезанным горлом», – подумал мужчина, но опять не стал говорить. Он чувствовал растущее раздражение – какой бракованный ему сегодня достался спецназ!

– Не могу знать, товарищ командир, – хмыкнула Лида. – Но на твоём месте я бы за Бориса не стала волноваться. Он, конечно, разгильдяй и бабник, но к службе относится серьёзно. Ладно, командир, не буду вредничать, ещё услышимся. А что касается подозрительных личностей вокруг тебя, то, окажись я на твоём месте, непременно обратила бы внимание на человека в лодочке, плывущей по бухте, и троих сомнительных мужчин, которые закончили перекуривать и в данный момент направляются в твою сторону. Будь осторожен, Глеб Андреевич. Не возражаешь, если я минутку ещё тут побуду?

Он чертыхнулся сквозь зубы, потянулся к удочке, вытащил по традиции обглоданного червяка. Пристроил удило на камнях и заковылял, припадая на правую ногу, к банке с червями. Опустившись на колени, он стал насаживать на крючок извивающееся тельце. Сверху выразительно кашлянули. Он поднял голову, стараясь не делать резких движений. Лида Баклицкая была права – тролица выглядела сомнительно и никоим образом не тянула на местных. Мужикам

было основательно за тридцать. А одному из них – плечистому, рослому, с порослью рыжеватых волос на угловатом черепе – как бы даже не за сорок. Славянские физиономии – мрачноватые, блеклые, абсолютно не переводимые. Джинсы, немаркие рубахи навывпуск (можно погадать, что под ними), а у одного из-под рубахи и расстегнутой жилетки выступала массивная золотая цепь, что было довольно странно, поскольку впечатления ярко выраженного криминального элемента тип не производил. В физиономию прочно въелось если не магистерское, то хотя бы обычное высшее образование.

Он был за старшего в компании. Трое прошли по короткому причалу, спустились с набережной и зависли у рыбака над душой. Двое поглядывали по сторонам, а любитель «большого» золота как-то скептически созерцал понурую фигуру в штормовке. Рыбак напрягся. Ладно, «пластику лица» он им сообразит, но это означает лишь проваленное задание и ничего другого. На набережной у Пыштовки становилось тихо и безлюдно. Только кто-то еще посмеивался у лодочной «парковки» в дальнем углу причала. Водитель битого «жигуленка» пытался завести мотор, помогая себе крепким словом. Бренчала цепь – существо невнятного со спины пола устраняло неисправность на китайском велосипеде. На берегу, помимо рыбака, никого не осталось. Мужчина с золотой цепью что-то негромко бросил рыжеватому здоровяку. Тот кивнул с невозмутимым видом, спрыгнул с камня и вразвалочку направился к рыбаку, который зачем-то начал насажи-

вать на крючок второго червя – видимо, чтобы первому было не скучно. «Эх, мужики, мужики, – раздраженно думал рыбак, подмечая, что и двое других начали движение вниз, – вы даже не подозреваете, что сейчас ваши зубы и десны находятся под угрозой, как и выполнение моего задания...»

Здоровяк остановился в паре метров от воды, сплюнул сквозь пробойну в зубах, покосился на тележку, на ее обладателя, который со старческим кряхтением выпрямлял спину.

– Что, мужик, старость не радость? – ухмыльнулся здоровяк. Он был едва ли старше своего собеседника. В его речи не прослушивался ни украинский, ни южнорусский говор.

– Не говори, сынок... – прошепелявил рыбак, старательно проговаривая фрикативное «г». – Спина совсем уже покоя не дает...

– Клюет? – кивнул здоровяк на удочку, которую рыбак снова порывался забросить в воду.

– Нема сегодня рыбы, сынок, нема... Словно вымерла, подлая...

– Сам-то местный? – Громила покосился на товарищей, которые встали в стороне и делали вид, что к происходящему никак не относятся.

– А як же ж, – охотно отозвался рыбак, кивая на южную сторону поселка. – Оттуда я, с Востряковской стороны... Лет двадцать, почитай, безвылазно в Пыштовке обитаем, на улице Тюленина, дом у нас со старухой у самого синего моря...

А вы откуда, парни, будете? Вроде не видал я вас тут раньше...

Здоровяк проигнорировал вопрос, приблизился к раскрытой сумке-тележке, хмуро уставился на скомканную клеенку и проржавевший проволочный садок. Нагнулся, вынул садок, запустил руку внутрь и принялся ворошить груду тряпья, мотки лески, дырявые резиновые сапоги. Рыбак напрягся, он был на грани провала, самое время бить и сматываться, пока не началось самое страшное...

– Эй, парень, ты чего это в моих вещах роешься? – забубнил он обиженно, но без особой злобы. – Чего тебе там надо? Воришка, что ли?

– Заткнись, папаша, – пробурчал крепыш. – Чего это ты так напрягся, а? А это что у нас такое? – С ухмылкой он выудил из тележки бутылку уже початой и заткнутой винной пробкой примитивной местной горилки, подбросил ее в руке и иронично уставился на рыбака. Теперь он понял, почему тот так напрягся.

– Не трожь... – взмолился рыбак. – Христом богом заклинаю, не трожь...

– Что это? – повторил здоровяк, переглядываясь с ожившимися товарищами.

– Ну, так это... – стушевался рыбак. – Как ее... бутылка с зажигательной смесью...

Здоровяк гоготнул, хмыкнули и те, что стояли поодаль.

– Ладно, не трусь, дядя, потребляй свою отраву, глядишь

– подохнешь быстрее. – Мордovorот швырнул бутылку обратно в сумку, встал и брезгливо вытер руки о штаны. Копаться дальше в чужих вещах он не стал, резонно догадываясь, что может выудить такое, отчего его попросту вырвет.

– Ты что, дядя, сам с собой разговаривал? – спросил, оборвав смешок и уставившись исподлобья, обладатель золотой цепи.

– Чего это? – не понял рыбак.

– Когда мы подходили, ты сам с собой разговаривал. – Мужчина вынул из нагрудного кармана сигаретную пачку с угрозами о вреде здоровью и, не спуская глаз с рыбака, выбил сигарету. И снова все напряглось в груди, зачесался кулак.

– А с кем мне еще разговаривать? – проворчал мужчина, делая сморщенное лицо и горячо надеясь, что сумерки – достаточный повод, чтобы не увидеть микрофонное устройство в бороде. – Нет же никого... Вот вы пришли, теперь с вами разговариваю... Слушайте, люди, чего-то я вас не совсем уразумеваю, ходите тут, в чужих вещах ковыряетесь...

– Ладно, пошли. – Любитель суровых мужских украшений выбросил сигарету. Побрел наверх, остальные потянулись за ним. – Мужик, шуруй домой, нечего тут сидеть, все равно не клюет. Сделай так, чтобы через пятнадцать минут и духу твоего тут не было.

– А чего это?.. – простодушно затянул рыбак.

– Милиция, – проворчал сквозь зубы взбирающийся по-

следним здоровяк. – Бандитов ловим. В общем, исчезни и не гунди.

Ага, конечно, так он и поверил. Очень похоже на украинскую милицию, пусть они тут все и считают себя русскими... Он почувствовал огромное облегчение. Забросил удочку, покосившись на троицу, неторопливо уходящую в южном направлении. Завелась, наконец, машина – потащилась вверх по улице, надсадно урча и стреляя ядовитым выхлопом. Забренчало, затренькало за спиной – и мимо рыбака по тропе над обрывом проволокалась нескладная девица в чудовищных шортах «колокольчиком» – сутулая, в несуразных круглых очках, с дурацкими косичками и потрепанной книгой, торчащей из рюкзака за спиной. Девица явно не тургеневская, хотя из той же области. Она вела велосипед, держа его за руль, установить цепь девица не смогла, та безжизненно висела, тащась по пыли. Девушка печально посмотрела на одинокого рыбака, пришла к выводу, что это не тот «механик», что требуется ей в данную минуту, тяжело вздохнула, поправила очки и потащилась дальше – за тролицей парней, тающих в дымке.

Вновь оживился коммуникатор в ухе. На этот раз вместо кокетливого женского покашливания звучало «суровое» мужское сопение.

– Борька? – разозлился рыбак, одновременно испытывая раздражение и облегчение.

– Кто здесь? – картинно изумился подчиненный. – Коман-

дир, ты ли это?

– Караванов, кончай придуриваться. Детский сад тут развели... Почему на связь не выходил?

– Занят был. Кстати, командир, я все видел.

– Что ты видел?

– Во-первых, я в курсе, что ты нашел занятие, интереснее, чем секс, – стало быть, рыбалку. Во-вторых, я наблюдал за твоими терками с тремя парнями, которые, хоть ты тресни, не тянут на местных. Они уже, кстати, на южной стороне поселка. Вот, гляжу, поднимаются медленно в гору...

– Ты где?

– Подними глаза, Глеб Андреевич, я как раз напротив тебя, проплываю мимо в лодочке. Тельняшка, борзый вид, все дела. Обратил внимание? Извини, я не буду махать тебе рукой и предпочту держаться от тебя подальше, ну тебя на фиг...

Рыбак всмотрелся. Утлая лодчонка, в которой находился один человек, была практически напротив него. Какой-то оборванец в засаленной тельняшке работал веслами, отдаляясь от берега, – видимо, не хотел проплывать мимо черной пещеры под горой, чтобы не вызывать подозрение у затаившейся под террасой стражи. Лодочка пошла наискосок через бухту – направляясь к дальнему углу изогнутого буквой «Г» причала.

Он чуть не рассмеялся – старший лейтенант Борис Караванов в своем репертуаре.

– Ты где лодку добыл, пропащий?

– Знаешь, командир, в отличие от некоторых угрюмых солдафонов я очень коммуникабельный человек. Не украл, не выиграл в карты, просто договорился с одним добрым местным жителем. Если ты считаешь, что я тут груши околачивал антисанитарным способом, то будешь в корне неправ. Во-первых, я осмотрел второй выход с объекта, который расположен здесь же, но с другой стороны. Потрясающе, командир, никогда не догадаешься, что у тебя под носом проход в пустое тело горы. Умели строить наши деды и отцы. Там до сих пор присутствует армированная сетка, которую просто так не отдерешь, и уже с пятнадцати метров не видно никакой пещеры. Во-вторых, я выбрался из бухты и забрался на гору Каурус, что требовало терпения и альпинистских навыков. По счастью, и то и другое у меня есть...

– Зачем, Борька? Умные в гору не ходят. Ты как-то нетрадиционно ориентируешься...

– Спасибо, Глеб Андреевич. Вы так добры. Это просто личная инициатива, не взыщите. Держу пари, что, кроме входа и выхода для подводных лодок, в горе имеются как минимум несколько ходов для пеших людей. При Советском Союзе здесь трудился персонал не в одну сотню человек – они ведь внутрь горы попадали не посредством телепортации, нет?

– Ты нашел хоть один из этих ходов?

– Нет, – простодушно отозвался Борис. – Но отрицатель-

ный результат – тоже результат, хотя и уступает положительному. Зато я могу с уверенностью сказать, что на вершине горы посторонних нет, помимо нескольких хищных птиц, выющихся кругами вокруг развалин недоразумения, именуемого здесь генуэзской крепостью. А теперь к делу. – Голос Борьки сделался серьезным. Было странно наблюдать шута горохового в лодке, который с блаженной физиономией уже пересек половину бухты и приближался к пирсу, заставленному лодочками. – Выход с объекта в море – то бишь выпускные ворота – контролируется группой неизвестных, вооруженных предположительно «Кипарисами». Люди одеты в гражданское, это не желторотые юнцы из так называемой армии незалежной Украины, что по идее должны охранять объект. Солдаты пропали, это очень странно, если не сказать большего. Нынешняя стража глаза не мозолит, сидят тихо, но я их разглядел. Держу пари, Глеб Андреевич, на объекте что-то затевается, и как бы даже не сегодняшней ночью. Теперь то, что касается выпускных ворот...

– Там несколько аналогичных парней, – проворчал Глеб. – Укрылись за бетонными вывертышами и позировать не спешат. Их Лида разглядела со скалы над поселком. С моей позиции их не видно.

– Точно. – Борька, кажется, огорчился, что не только он добывает информацию. – Как у нее дела?

– Скучает.

Борька гоготнул.

– Так, у тебя всё? – глянув на часы, спросил Глеб.

– Ну, если тебя это заинтересует... – Караванов меланхолично вздохнул. – Четыре часа назад, когда вы все меня покинули, бог голода дернул меня зайти перекусить в одно из местных заведений. А мама в детстве, между прочим, предупреждала – никогда не разговаривай с незнакомцами и не ешь шаурмы! Ну, с первым ладно, а вот со вторым... В общем, все печально, товарищ майор. Я убью этих поваров-отравителей! Еле добежал до туалета! Знаешь, командир, одна из самых изуверских казней в мире – казнь на керамическом стуле! И ведь не будешь права качать – нельзя нам тут шуметь... В общем, через час мне стало легче, и я отправился в путь. Но пока еще действие ядовитой шаурмы не закончилось, и временами меня начинает будоражить. – Лодочка побежала резвее и вскоре пропала за кучкой аналогичных, прижавшихся к причалу. – Так что в будущем отнесись ко мне снисходительно и сильно не загружай. Ладно, Глеб Андреевич, – заторопился Борька, – обойдемся без литературных подробностей, звони в любой момент, но только не в ближайшие десять минут... Кстати, командир, – вспомнил Караванов, – я имею право на один телефонный звонок?

– Нет, – отрезал Глеб, отключил связь и принялся проглатывать смешинку.

Темнеет на юге мигом, и через несколько минут окрестности бухты заволокла сплошная мгла. Скалы превратились в нелюдимых монстров, зависших над водой. Потемнела бух-

та – еще недавно нарядная и живописная. Рыбак в штормовке, сдвинув на затылок надоевшую панамку, собирал свои пожитки, укладывал в тележку драный складной стульчик, всовывал элементы сборной удочки. На обломках набережной не осталось ни одной живой души, но он был вынужден изображать человека, у которого проблемы с опорно-двигательной системой. Он мучительно долго, кряхтя и постанывая, взбирался на обрыв, волоча за собой тележку, отдохнул на ровном месте, восстанавливая дыхание. Сильно припадая на правую ногу, поволок тележку вдоль бухты. Он не оглядывался. Слева вздымался в гору поселок, в домах загорались огни. Он проигнорировал две улочки, выходящие к бухте, дотащился до третьей – за ней поселок обрывался, – обогнул пышный куст магнолии, растущий на углу, и поволокся по дощатому тротуару, мимо утопающих в зелени домиков. Он по-прежнему не оборачивался. Пару минут спустя он свернул в ближайший переулочек, но дальше не пошел – прислонил тележку к столбу электропередач и высунул нос на улицу. Несколько минут он стоял неподвижно, слившись с кустом. Окончательно стемнело. За рыбаком никто не шел. Убедившись, что на данном историческом этапе его хромая личность никому не интересна, мужчина сложил ручку у тележки, вынул из нее удочку, сунул под куст. Посмотрел по сторонам, взял тележку на руки, пристроив под мышкой (она была не такая уж тяжелая), и заскользил обратно, прижимаясь к придорожным кустам.

Через некоторое время фигура, сливающаяся с темнотой, выбралась из магнолии – давно отцветшей и желтеющей, – переметнулась через тропу и стала спускаться к бухте. Гора Каурус сместилась вправо, но она была еще здесь – довле-ла над местностью своей облезлой «гиппопотамовой» тушей. Берег в этом квадрате был сильно изрезан, громоздились глыбы известняка. Сжимая сумку под мышкой, он спустился в крохотный заливчик, огороженный обломками скальных пород, пристроил ношу у полоски стоячей воды. В этом ме-сте и произошло перевоплощение хромоного рыбака в ра-ботника отдела специальной разведки Черноморского флота России майора Глеба Дымова – мужчину в полном расцвете сил, еще недавно – заместителя командира 102-го отряда по борьбе с подводными диверсионными силами и средствами. Укрывшись под козырьком массивной скалы, он выклады-вал ненужный садок, обрывки клеенки, тряпки, резиновые сапоги, бутылку горилки (боже упаси когда-нибудь попробо-вать!) – вытряхнул все лишнее, призванное заморочить го-лову человеку с «санкцией на обыск». Затем он начал извле-кать и раскладывать все то, что имело ценность: ребризер – компактный дыхательный аппарат, включающий баллон, редуктор и маску с загубником; пару фонарей, сложенный гидрокостюм из вспененной резины с длинными рукавами и штанинами, специальную резиновую обувь – подходящую и для воды, и для суши, пояс с ножнами и кобурой. В ножнах покоился внушительный «Катран» – специальный нож бое-

вого пловца, в кобуре – не менее специальный СПП – пятизарядный пистолет для подводной стрельбы. Он снова прислушался – тишина в округе царила нерушимая. Только где-то наверху, в глубине поселка, играла музыка, и безымянная, но очень голосистая женщина истошными визгами атаковала мужчину. На облачение ушло минуты полторы – процедура отработанная и отшлифованная. Баллон заправлен, все отлажено, подогнано, можно лишь немного сравить воздух...

Все, оставшееся от «прежней жизни», включая парик и накладную бороду, Глеб сгреб, утрамбовал в сумку и засунул глубоко под камень. Материал отработанный. Недалеко от местного сельсовета припаркована невзрачная «Нива», на которой прибыли из Севастополя спецназовцы, там нормальная одежда, липовые документы и все необходимое, чтобы после выполнения задания вернуться на базу...

Он сидел неподвижно, сливаясь со скалой. В окружающем пространстве ничего особенного не происходило. Стрекотали кузнечики далеко в кустах. Пора. Хотелось верить, что коллеги, рассредоточившиеся в разных частях бухты, уже готовы и аналогично застыли в ожидании.

Он вышел на связь:

– Вы тут?

– Всегда тут, Глеб Андреевич, – отозвался, как юный пионер, Караванов. – Невзирая на сушняк, глад и мор.

– Я тоже готова, – как-то вымученно призналась Лидия Баклицкая. – А вообще это странно, коллеги. Был невыноси-

мо трудный день – самое время разложить постель и улечься спать, а тут некстати выясняется, что к работе мы еще не приступали.

– Гм... – выразительно сказал Глеб. В исключительных случаях он разрешал коллегам пренебрегать субординацией, не «выкаты» и обращаться по именам – резонно считая, что главное в работе не щелкнуть каблуками, а сделать собственно работу. Но отдельные индивидуумы имеют удивительную способность пользоваться его добротой и беззастенчиво садиться на шею.

– Да нет, ты не думай, – поспешила исправиться Лида. – Я тоже всегда тут и всегда готова.

– Слушай, Глеб, – каким-то непривычным серьезным голосом сказал Караванов. – Мы, конечно, за тобой хоть в могилу. Но с другой стороны... В этом гадюшнике, расположенном под горой, назревает что-то, мягко говоря, незаконное, причем с привлечением большого количества вооруженных людей, которые не сами по себе банда, а, видимо, являются спецназом некоего крупного украинского чиновника... Ну, ты же знаешь, всякий уважающий себя чиновник в наше время имеет свой собственный прикормленный спецназ. А нас, сколько ни пересчитывай, всего трое, больше ни насчитаешь. Боюсь, что отцы-командиры недомудрили – нужно было посылать как минимум роту. Я это к тому, Глеб... с одной стороны, везде хорошо, где нас нет, а с другой – ты уверен, что, когда мы окажемся на объекте, нам

станет хорошо?

– Во как загнул, – уважительно заметила Лида. – А в сущности, Борис Михайлович прав, Глеб Андреевич, происходит что-то не то. Ты уверен, что не нужно вызвать подкрепление?

– Подкрепления не будет, – угрюмо бросил Глеб. – Разве сам Бекшанский примчится на белой лошади, но это подкрепление весьма спорное. В общем, так, дорогие мои коллеги, ваше мнение для меня, конечно, очень важно, большое вам за это спасибо, но...

– Не пойти ли нам в задницу, – предположил Караванов.

– Да, примерно так, – согласился Глеб.

– Но все же ты постарайся не оправдать наших опасений? – натужно хихикнула Лида.

– Я сделаю все возможное, – уверил Глеб. – А теперь внимание к моим словам, товарищи офицеры. Полагаю, все готовы. Если это не так, самое время сообщить... – Он выдержал паузу, никто не сообщил. – Отлично, дорогие мои. Возможно, вы не так безнадежны, как кажется. Выступаем одновременно через две минуты. Двигаться по дну и ни метром выше. Преодолеваем батопорт, отмеряем от противозащитных дверей семьдесят метров – и только тогда всплываем. Повторяю, коллеги, ни метром ранее. Возможно, в том и состоит причина исчезновения высланной ранее группы – всплыли раньше времени и угодили под прицел. Интуиция мне подсказывает, что боевых пловцов у противника, если

таковой, конечно, в природе существует, нет. Поэтому мы в безопасности до тех пор, пока находимся под водой. Все чувствовались? Конец связи.

Он выждал полторы минуты, по истечении которых, немного волнуясь, вошел в прохладную воду и сразу же ушел на глубину...

Объект на западном берегу Калабановской бухты имел славную, но мало разрекламированную историю. До середины двадцатого века живописная гора Каурус была лишь обычной горой – многометровой толщиной скальных пород, кое-где прорезанной пещерами, полостями и карстовыми промоинами. Виноваты большая политика и жесткое противостояние двух систем – капиталистического мира и социалистического лагеря (Глебу всегда было обидно, почему у них – мир, а у нас – лагерь). В середине пятидесятых годов сомнений у политиков не осталось – рано или поздно разразится убийственная термоядерная война. Как сохранить в этой мясорубке хотя бы часть флота, способную впоследствии нанести удар возмездия? Решение было гениальным, и в 1955 году на западном склоне Калабановской бухты началось грандиозное секретное строительство самого большого на Черном море комбинированного противоатомного фортификационного сооружения для ремонта, обслуживания и укрытия подводных лодок, а также для хранения боеприпасов, предназначенных для этих субмарин. А сама бухта и ее

окрестности стали режимной зоной со строгой пропускной системой. Строительство продолжалось четыре года – завершилось в рекордно сжатые сроки. «Черновую» работу проделал горно-подземный строительный батальон Черноморского флота, после него эстафету приняли московские метростроевцы. В сверхтвердом скальном грунте было пробито искусственное гнездо, в котором, кроме укрытий для семи подводных лодок, был вырублен подземный стометровый док, предназначенный для капитального ремонта субмарин. Сооружение располагалось как в подводной части Калабановской бухты, так и на уровне воды в скале, высота которой достигала почти ста двадцати метров! Каждую ночь груженые грунтом баржи выходили в море и там затапливали свой груз. Инфраструктура подземного городища позволяла, полностью отгородив себя от внешнего мира, автономно осуществлять ремонт и оснащение лодок, выпуская их через специальный шлюз прямо в море – причем в подводном положении. Гора, усиленная пятидесятиметровым слоем железобетона, а также мощные запирающие устройства могли выдержать ядерный удар до ста килотонн. При атомной атаке в помещениях завода могли укрыться более трех тысяч человек и автономно существовать не меньше года – благодаря мощным фильтровентиляционным установкам. Канал длиной в шестьсот метров прорубал насквозь гору Каурус. Рядом с ним размещались производственные цеха и подсобные помещения. Глубина канала – восемь метров, диа-

метр штольни – двадцать метров. Со стороны бухты вход в штольню перекрывал плавучий батопорт массой 150 тонн. В него поддували воздух, и он всплывал. Это позволяло полностью закупоривать подземное сооружение. Такой же батопорт установили в сухом доке, подобный же – в выходных воротах. В начале шестидесятых годов «Объект 623 ГТУ» – сооружение противоатомной защиты первой категории – всю работу выполняло. Одновременно ремонтировались семь подлодок, пополнялись запасы, проверялось оружие, проводились регламентные работы с ядерными боеголовками. Укрыться от ядерного удара под горой могло не меньше дюжины субмарин 613-го и 633-го проектов, оснащенных ядерным оружием. Лодка входила под гору в надводном положении, передвигалась по каналу от цеха к цеху. Осуществлялся текущий и капитальный ремонт, все виды техобслуживания. Огромные генераторы заряжали аккумуляторные батареи. Подвозились вода и солянка. Пополнялось вооружение, происходила заправка горючим из огромных танкеров. Более 20 лет на подземном судоремонтном заводе ремонтировались подводные лодки. Ни разу не был сорван производственный график! Трудились сотни людей – квалифицированные производственники, доковые рабочие, специалисты, обслуживающие инженерные системы объекта. Рота вохровцев несла постоянную службу по охране. Общая площадь завода составляла более десяти тысяч квадратных метров, высота отдельных помещений – с трехэтажный дом. Здесь находились це-

ха и мастерские со станочным парком, сварочный и слесарный участки, склады ракетного оружия, хранилища ядерных боеприпасов флота, многочисленные оружейные арсеналы, включая минно-торпедную часть. Склад топлива, позволявший хранить до четырех тысяч тонн нефтепродуктов. Кухни, столовые, казармы для подводников, жилые помещения для персонала, хлебопекарни, продуктовые склады. Отдельным подразделением служил так называемый объект «Арсенал» – ремонтно-техническая база для учета, хранения, сборки и выдачи силам флота боеприпасов – в том числе и с ядерными зарядами. А самой секретной частью была арсенальная штольня с бункером для хранения ядерного оружия, запираемая двумя двадцатитонными воротами. Мощность хранимого оружия была такова, что могла превратить в пыль не только Пыштовку, но и всю юго-западную оконечность Крыма, включая город-герой Севастополь...

Все это чудо инженерной мысли, на которое потратили уйму времени, сил, денег, нервов, интеллекта, просуществовало до 1992 года – рокового для Черноморского флота. С завода после раздела военно-морских сил был выведен основной состав подводных лодок, демонтировано и увезено в неизвестном направлении уникальное оборудование, ликвидированы следы секретных технологий и секретных производственных участков. «Объект 623 ГТУ» перешел под юрисдикцию Украины – что стало для завода приговором. По назначению база не использовалась (вообще никак не ис-

пользовалась!), денег не было даже на охрану. Объект подвергся тотальному разграблению! «Сталкеры» лезли ордами! Срывали и откручивали, вырывали с мясом трубопроводы, кабели, ограждения, металлические поручни, остатки оборудования, емкости – все, что можно было продать, а особенно то, в чем были даже малейшие примеси цветных металлов. Многие гибли, попадая в замаскированные ловушки, возвращались калеками, были случаи бесследного исчезновения людей – ведь на объекте, распростертом вширь, вверх и даже вниз, было проще простого заблудиться! Ходили слухи, что на заводе осталось ядерное оружие – но так глубоко укрыто, что добраться до него невозможно. Уверяли, что в секретных арсеналах до сих пор хранятся торпеды, якорные мины, артиллерийские снаряды, горы прочего «традиционного» и секретного оружия. Но никто ничего подобного не находил – в лучшем случае, упирались в многотонные заваренные двери, разбить которые способен лишь небольшой термоядерный взрыв... Несколько лет база подвергалась тотальному разграблению – алчные мародеры уносили все, что могли унести. Здесь совершались убийства, проводились сомнительные вечеринки и оргии, сюда таскались любители острых ощущений. Ходили слухи о привидениях, о загадочных мистических зонах, в которых гибнет все живое, о колдовских кругах, о «водяных», обитающих в подземных каналах, даже о вампирах, живущих в «нижнем мире» объекта...

А потом ажиотаж стал спадать. Массовые паломничества

девятидесятых годов в двухтысячные сменились редкими визитами – скорее, из любопытства, чем из желания пожить. Грабить в помещениях завода стало нечего. Бродили слухи о маньяке-убийце, сбежавшем из Николаевки и спрятавшемся на объекте. Возможно, слухи имели под собой почву – в поселке в течение нескольких лет пропадали девушки, а потом их растерзанные тела находили в заводских цехах под горой Каурус. Милиция усердия не проявляла, осмотром базы себя не утруждала. Ходили группы энтузиастов, вооруженные палками, но успеха не достигли – а порой и самих искателей приходилось вытаскивать из коварных ловушек... Объект для местных жителей, а потом и для всех посторонних превращался в жупел. Все меньше находилось желающих побродить по сумрачным, пропахшим гнилью помещениям, полюбоваться покрытыми плесенью бетонными стенами с торчащими вывернутыми железками, окунуться в мутные воды канала забвения...

Года полтора назад начала муссироваться тема передачи «Объекта 623» под юрисдикцию российского Черноморского флота. Уж Россия бы придумала, как распорядиться таким богатством. Сначала консультации, потом переговоры на уровне командующих флотов, потом – на уровне уполномоченных правительственных делегаций. И вот – торжественное подписание договора, согласно которому (за умеренную, разумеется, плату) все содержимое горы Каурус с первого ноября текущего года передается в собственность

России, и она может делать с этим несчастьем все, что ей заблагорассудится! Сделка поистине эпохальная и взаимовыгодная: Украина избавляется от вселенского позора и большого геморроя (еще и деньги получает), а Россия за бесценок (разве это деньги?) получает назад такое чудо! А как она впоследствии распорядится чудом – будет ли использовать объект по назначению или по совету Никиты Сергеевича Хрущева превратит его в большой винный склад – дело перспективы, и пока никого не волнует. Согласно договоренности с важным чиновником из Симферополя, до первого ноября крымская администрация обязалась контролировать объект, для чего было выделено отделение военнослужащих срочной службы из состава крымского гарнизона. Для чего это было сделано, не совсем понятно – в последние двадцать лет Украина этим как-то не заморачивалась. А теперь, когда охранять стало нечего, она вдруг решила этим заняться. История мутная – и как подтвердили дальнейшие события, охрану поставили неспроста. Именно в октябре текущего года, за считанные недели до прибытия новых хозяев, на «Объекте 623» стала отмечаться нездоровая активность...

Выяснилось, что решение о передаче объекта российской стороне было принято отнюдь не гладко. Отдельные госслужащие сопротивлялись, как фашисты на последних этажах Рейхстага. Мотивация была явно надуманной: честь и гордость Украины, остановить проклятых москалей, и вообще, на подземном объекте нужно создать музей, посвященный

ужасам холодной войны. В чем была их истинная мотивация и кто стоял за этими людьми, история умалчивает. Но решение прошло, и в короткий отрезок времени до появления «оккупантов» под горой Каурус стало происходить что-то странное. Местные жители доносили, что по поселку бродят подозрительные личности – молчаливые мужчины с цепкими взглядами и надменным отношением к окружающим. Косить под туристов им удавалось плохо. Одновременно под горой зафиксировали признаки жизнедеятельности – туда в ночное время проникали некие личности и что-то делали. Перетаскивали крупногабаритные предметы, что-то варили – причем орудовала, судя по всему, многочисленная компания. Чиновники из администрации автономной республики дружно уверяли, что ничего такого не происходит, а если кто и орудует на объекте, то обычные охотники за цветметом. То есть происходит дальнейшая «демилитаризация» объекта. Утверждение, что никакого цветмета на объекте не осталось, в расчет не принималось. Между делом шло активное запугивание. Среди белого дня в автомобильной аварии погиб заместитель председателя администрации – тот самый, что ратовал громче прочих за передачу объекта России. На аварию происшествие тянуло с натяжкой – потерпевший ехал на джипе по серпантину мимо Фороса, из ниоткуда возник раздолбанный «жигуленок», притер внедорожник к обрыву. У джипа как по заказу лопнуло колесо, и он покатился со стометровой высоты. «Жигуленок» оста-

навливаться не стал. Лишнее подтверждение – возможно, и существуют чиновники, которые не продаются, но их всегда можно заказать. После этого происшествия в рядах чиновничьей братии воцарилось испуганное молчание. Такое ощущение, что на них давила влиятельная сила. Военнослужащие, охраняющие объект, тоже не замечали «на посту и вблизи поста» чего-то странного. Вероятно, получили соответствующий приказ. Занервничали российские спецслужбы. Что происходит? Какой сюрприз готовится к первому ноября? Специально из Москвы прибыла группа аквалангистов из числа спецназа ФСБ и в обстановке строгой секретности отправилась на базу. Приходилось вести себя скрытно – до первого ноября российские официальные лица не имели права появляться на объекте (решили не злить официальный Киев). Неизвестно, проникли ли аквалангисты на объект, но группа на связь не выходила. Она пропала! Жаловаться некому – официально россиян там не было. На следующий день сменился украинский караул, стерегущий выходы с объекта. Предыдущие уехали, заступили новые. И уже к вечеру следующего дня караул перестал выходить на связь! И эти пропали! Видимо, оказались менее сговорчивыми... И снова украинская сторона отказывалась от комментариев, делая вид, что ничего не происходит. Чиновники молчали или блеяли какую-то чушь. Создавалось впечатление, что кому-то нужно протянуть день, от силы два, пока на объекте не закончат что-то важное. И этот кто-то жестко прессует го-

сударственных служащих, имеющих касательство к объекту. Не лезть и не пускать посторонних, пока не будет особого распоряжения!

Тут уж российские спецслужбы окончательно разнервничались и вспомнили про боевых пловцов, которые для того и призваны – достать объекты противника, подобраться к которым иначе как под водой невозможно. Залихорадило разведотдел, возбудился капитан первого ранга Григорий Ильич Бекшанский – непосредственный начальник и чуткий наставник Глеба Дымова, уже предвкушающий выход на пенсию в следующем году. Практически не запрягали – с момента пропажи аквалангистов прошло полтора дня, с исчезновения караула – менее суток. Сегодня утром Глеба подняли с постели в шесть утра. Пулей – под ясные очи бессменного командира и вечного источника раздражения.

– Сколько можно спать, товарищ майор? – насупил командирский лик Григорий Ильич. – Пока ты спишь, между прочим...

– Я что-то пропустил? – не подумав, спросил Глеб. – Пока я спал, Великая Китайская стена соединилась с Кремлевской, и мы ожидаем нового командующего флотом?

Бекшанский чуть не поперхнулся и сделал вид, что шутка ему не понравилась.

– Куда на этот раз, Григорий Ильич? – обреченно вымолвил Глеб. – Чили, Уругвай, Восточный Тимор? Давненько мы что-то не были в Гренландии...

– Очень далеко, Глеб, – тряхнул сединами «самый человекообразный начальник». – Ровно двадцать два километра от того места, где мы с тобой сейчас находимся. Южный берег Крыма. Бывший «Объект 623 ГТУ». Бери двоих – самых надежных и проверенных, и через час снова ко мне. Надеюсь, за этот час ты не успеешь, как профессор Плейшнер, принять яд и выброситься из окна.

– Никогда не понимал, Григорий Ильич, – пожал плечами Дымов, – зачем профессор Плейшнер принял яд?

– В смысле? – не понял Бекшанский.

– Яду, говорю, зачем он принял? – повторил Глеб. – Хорошо, переиначим. Зачем профессор Плейшнер выбросился из окна? После того как проглотил сильнодействующий яд. Двум смертям бывать?

Григорий Ильич задумался, сделал неопределенный жест:

– Знаешь, Глеб, никогда не задумывался. Может, это мощный режиссерский ход?

«Самые надежные и проверенные» были либо в командировке, либо в отпуске, либо уже умерли. Борька Караванов вызвался сам – молодой старший лейтенант был одной ногой в отпуске, рвался в Томск на историческую родину – в объятия старушки мамы «и кое-кого еще, о ком не говорим». «Отлично, Глеб Андреевич, – обрадовался Караванов. – Полчаса езды на твоей «Ниве», быстро делаем работу – суток, надеюсь, хватит? – и завтра вечером я уже на крыле». Он с чего-то решил, что «командировка» на южный

берег Крыма – это что-то увлекательное и необременительное, а главное, краткосрочное. Впрочем, если откровенно, то Глеб считал примерно так же. Лида Баклицкая на построении усердно скрывала зевоту и старательно делала умный вид – захотелось ее как-то подколоть. Лучшего способа он не придумал – да никого другого в тот момент и не было. Задание со слов начальства выглядело пустяковым – пробраться на базу, выяснить, кто там мышкует и что там, собственно, происходит. Он догадывался, что ни ему, ни Бекшанскому всю правду не скажут, но был уверен, что если выделяют только троих, то дело не стоит и выеденного яйца.

– Орлы, – усмехнулся Григорий Ильич, обозревая троицу, уже готовую к выполнению необременительного задания. – Ну, и орлицы, конечно же...

– Цвет подразделения, товарищ капитан первого ранга, – подтвердил Глеб. – Волевые, мужественные, обладают острым умом, ловкие, смелые, хваткие, идеально смотрятся во вражеской форме.

– А еще я успеваю заправить постель, пока в турке варится кофе... – прошептала вытянувшаяся по стойке смирно Лида.

– Действуйте, ребята, – обозрев насупленное войско, вздохнул Григорий Ильич. – Проявляйте смекалку, инициативу, можно даже фантазию. Не забывайте про осторожность – не поручусь, что не засовываю вас в очередное дерьмо. И самое главное, ребята, – он понизил голос, вкладывая в него максимальную доверительность, – пусть вы съездите

впустую – это не суть важно. Лично я сомневаюсь, что к прибытию новых хозяев объект минируется или что-то в этом роде... Главное – не засветиться. Вас там нет и быть не может. Россиянам – а тем более военнослужащим – запрещено появляться на объекте, он еще не передан российской стороне, является собственностью Украины. Буду очень рад, если завтра вы снова будете стоять перед мной, докладывая, что все действующие лица живы, имело место недоразумение и паранойя у ряда должностных лиц с небогатым умом и фантазией...

Глубина Калабановской бухты – тридцать метров. Глубина водного канала в центральной штольне – не менее восьми. Уровень канала на семь метров ниже уровня моря – до сих пор остается загадкой, какие инженерные технологии применяли «древние» для создания этого искусственного детища! Небольшая субмарина, при наличии открытых батопортов, может под водой войти в канал, и хрен ее заметишь... В наличии у противника боевых пловцов, сидящих на дне, Глеб сильно сомневался, но мерами предосторожности не пренебрегал. Короткие «перебежки» по дну с осмотром местных достопримечательностей – фонарь на шлеме был выставлен на самый слабый свет. Ни с суши, ни с воды заметить этот свет невозможно. Ласты в комплект в этот день не входили – не так уж сложно плыть в стоячей воде. Он медленно пересекал бухту, стараясь не отрываться от дна. Расчет оказал-

ся верен – искусственная насыпь на западной стороне бухты, скользкая бетонная стена с разводами слизи – несколько рывков вправо, и распахнулся черный провал, куда он вплыл с опаской и сразу же прижался к левой стене. Поступательные рывки – 10, 20 метров, он уже внутри. Судя по всему, входной батопорт остался за спиной – мощные задвижные, полые изнутри ворота. Их масса составляла 150 тонн, 20 метров в высоту, 30 в длину, пять метров глубиной. Уникальное устройство по меркам шестидесятых годов. Внутри металлического корпуса батопорта находился второй корпус. В него закачивался сжатый воздух, дверь приподнималась, и глыба металла с помощью специальных двигателей и компрессоров перемещалась в горизонтальном положении, закрывая и открывая вход в подземную часть комплекса. Морские ворота защищали объект не только от чужих, но и от ударной волны разорвавшейся атомной бомбы, выдерживая мощное давление. Сомнительно, что проржавевшую конструкцию новым хозяевам объекта удастся когда-нибудь оживить...

Он выключил фонарь, остановился, готовясь набираться терпения. Но прошло минуты две, и в глубине мутных вод, на проторенной Глебом дорожке, кто-то возник. Зарябил огонек, за ним, в небольшом отдалении, – другой. Условный знак – пловец в авангарде через равные промежутки времени закрывал фонарь на лбу. Получалось что-то вроде ленивой аварийной сигнализации. Глеб проделал то же самое – помигал несколько раз, отправился дальше, а пловцы пристро-

ились ему в хвост. Он отсчитал примерно семьдесят метров, подал знак, чтобы дожидались его возвращения, и начал медленно всплывать, погасив предварительно свет...

Несколько минут его неподвижная голова возвышалась над водой. Глаза привыкали к темноте. Плотная, звенящая тишина царила в этой части подземного завода. Из ворот, оставшихся за спиной, по каналу распространялся рассеянный лунный свет. Из мрака мертвого мира проявлялась рукотворная река, уходящая в глубь горы – на ней никогда не было течения. Проржавевшие стальные поручни над головой, за ними узкая площадка, тянущаяся вдоль левого берега. Над головой, на высоте примерно десяти метров, – полукруглый свод, уходящий в бесконечность. Ржавые изогнутые трубы на потолке – до них не дотянулись мародеры. Тяжелый запах – ржавчины, плесени, тины. На правом берегу – протяженный причал с выломанным, вздыбленным, покореженным настилом. В далекие времена здесь делали первую остановку управляемые швартовочными командами субмарины. Обученные специалисты выгружали вооружение лодки на специальные тележки и по проложенным рельсам увозили в примыкающие коридоры-паттерны – в оружейную штольню, расположенную справа от канала. Ядерные же боеголовки увозились в арсенальную штольню, находящуюся слева. Можно представить, какими мерами предосторожности это сопровождалось. На тележках не было никаких двигателей, их катали только вручную, изготавливали из специально-

го сплава, покрывали листами алюминия, чтобы исключить даже теоретическую возможность появления искры. Ободья колес, соприкасающихся с рельсами, вытачивали из мягкой латуни... Глеб всматривался в темноту до рези в глазах. Если в этом тоннеле присутствовали живые существа, то они толково прятались. Однако чутье подсказывало, что именно сейчас в данной части завода нет ни одной живой души. Из рябщей мглы за поручнями вырисовывались провалы паттерн, уходящие в недра арсенальной штольни. Напротив – через застывшие воды – проявлялись аналогичные норы – проходы к оружейной штольне, к минно-торпедной части, к хранилищам огромных, объемом до трех тысяч кубических метров емкостей с дизельным топливом.

Он сделал знак под водой, и через пару мгновений всплыли две черные головы в устрашающих масках подводника и с закушенными загубниками легочных аппаратов, которые вместе с масками тут же отъехали в сторону.

– Ни хуа-хуа, товарищ майор... – простодушно озвучил свое видение ситуации Борис Караванов – молодой парнишка с «максималистской» кашей в голове, реакцией мухи и гибкостью пантеры. – Так вот ты какая – неведомая фигня... Лидок, чего толкаешься?

– Я тебя дисциплинирую, Караванов... – Лида всплывала грациозно – повертела головой по сторонам и бесшумно подалась к бетонной обечайке канала, где застыла и слилась со стеной. В темноте поблескивали глаза – нереально боль-

шие, красивые, главное украшение этой молодой двадцативосьмилетней женщины. В кругу пловцов она не считалась сногшибательной красавицей, видали и покрасивее, тем более что в рабочее время Лида Баклицкая, имеющая постоянного парня «на стороне» (злые языки утверждали, что этот тип работает в штабе флота и ни разу не нюхал пороха), и не стремилась кому-нибудь понравиться. Но однажды Глеб видел ее в кино рядом с подтянутым парнем, обладающим обезоруживающей улыбкой, – и крайне изумился, признав в «отпадной» сексапильной блондинке женщину, проходящую службу в одном с ним подразделении.

Несколько минут пловцы сохраняли молчание и неподвижность.

– Глеб Андреевич, ты задумался, как на желтый сигнал светофора... – неуверенно прошептал Караванов.

– Растягивает удовольствие, – хмыкнула Лида.

– Заткнитесь, – пробормотал Глеб. – Уходим под воду, товарищи офицеры. Следующее всплытие через семьдесят метров...

В следующей точке приходилось всплывать с особой осторожностью и опаской. По воде распространялся тусклый, рассеянный свет! Голубоватый, дрожащий – какое-то мистическое сияние, исходящее неведомо откуда. С точки всплытия источник освещения не просматривался, и определить его природу было невозможно. Что-то вроде таинственных болотных огоньков, вспыхивающих по ночам над трясинной.

Но и здесь никого не было! Мерцание существовало само по себе, и возникало ощущение, что это лунный свет, проникающий в оба входа, каким-то чудным образом распространяется по воде, и в месте встречи двух лунных дорожек срабатывает причудливый эффект...

– Свят, свят... – прокомментировал явление Борька. И пошутил натужно: – Командир, может, хватит на сегодня, а то мышцы с непривычки будут завтра болеть?

– Глеб, мне тоже не по себе... – прошептала Лида, по привычке смещаясь к стене канала и застывая. – Давай-ка осторожнее в этой клоаке. Понимаю, что шизую, но не могла избавиться от ощущения, что за нами кто-то плывет и внимательно на нас смотрит...

– Уймись, Лидуся, никто за нами не плыл... – гулким шепотом отозвался Борька. – Я проверял, можешь не сомневаться. Но ощущения действительно не самые восторженные. Станный свет, странные, гм, предчувствия...

– Не каркать мне тут, – проворчал Глеб и начал осматриваться. Канал в этой части подземелья расширялся и превращался как бы в два канала, идущих симметрично друг другу. Границей между руслами служила бетонная колоннада, опирающаяся на мощные прямоугольные опоры. Колонны осыпались, трескались, покрывались сетью морщин и выбоин, но пока держали расширяющуюся потолочную часть, унизанную трубами и кабелями. Правую часть канала, отделенную от основной штольни, перекрывал дополнитель-

ный батопорт – он частично возвышался над водой, увенчанный полукруглыми скобами и остатками заграждения. «Сухой док», – догадался Глеб. Еще один уникальный элемент подземного городища. Особое гидротехническое сооружение – бассейн из железобетона, отделенный от акватории канала водонепроницаемым затвором. Обычно лодки, входящие через бухту на завод (а было это ночью, и каждый раз в Пыштовке безжалостно отключали электричество), располагались одна за другой и двигались от одного ремонтного поста к другому, как по конвейерной ленте. Разгруженная на первом причале подлодка, требующая капитального ремонта или всестороннего осмотра, заходила в правую часть канала – в сухой док. При этом батопорт открывался, лодку вводили в заполненную водой камеру, центровали и после этого закрывали затвор. Включались мощные насосы, расположенные под преддоковой площадкой, и в течение трех часов они откачивали из дока воду. После откачки субмарина опускалась на кильблоки, корпус обшивался деревянными лесами, и стартовали ремонтные работы. По завершении ремонта через кингстоны батопорта камера заполнялась водой, лодка всплывала с кильблоков и после открытия затвора перешвартовывалась в основной канал. На нее загружалось проверенное вооружение, и лодка двигалась к выходу – к гигантским воротам, расположенным в начале бухты. Глубина там была порядка тридцати метров – что позволяло выходить на боевое дежурство в подводном состоянии. Один

словоохотливый механик с вспомогательного «Буревестника», работавший в молодые годы на объекте (а он был помешанным рыбаком), как-то с упоением рассказывал Глебу, что, когда субмарина заходила в док и из него по технологии выпускали воду, рабочие стояли по колено в живой рыбе! Ее собирали лопатами, жарили, коптили – и начальство смотрело на эти «грешки» сквозь пальцы. В такие дни над горой Каурус вился ароматный дымок, и напрягались все шпионы иностранных разведок, «курирующие» базу, – верный признак, что очередная ядерная подлодка встала на капитальный ремонт...

– Я слышал, во времена Союза этот объект защищали с моря специально обученные пловцы, – прошептал Караванов. – То есть парни вроде нас...

– И дрессированные дельфины, – добавила Лида. – То есть парни вроде меня.

– А я слышал, что за тридцать лет эксплуатации этого объекта на нем не было ни одного чрезвычайного происшествия, – сообщил Глеб. – Даже более того – ни одного срыва ремонтных работ, ни одной задержки. Объект снабжался безупречно, трудились талантливые руководители, лучшие инженерные умы, наиболее квалифицированные рабочие кадры. И каждый шаг местных пролетариев контролировался вооруженной охраной, весь рабочий день ремонтники ходили под дулами автоматов – под прицелом их встречали, под прицелом провожали. А какой режим секретности царил

в поселке... Там ведь практически никто не знал, что у них под боком работает секретный завод...

Из полумрака проявился скособоченный арочный мостик – он располагался позади вынырнувших пловцов, протянулся под сферическим потолком, повторяя его округлую форму, и, судя по всему, был приварен к металлическим нащепкам на потолке. Впечатления готовой рухнуть конструкции он не производил. Мостик связывал берега канала и являлся связующим звеном между арсенальной штольней и складами вооружения на правом берегу, включающими минно-торпедную часть. Глеб испытывал колебания. Возможно, отцы-командиры поступили правильно, отправив малочисленную группу на разведку местности. С точки зрения сохранения инкогнито это было верно. С точки зрения опытного пловца, это было преступной ошибкой. Нереально малыми силами в короткий срок обследовать подземный город, а если надо, провести задержание и при этом никого не потерять. Два десантных катера, набитых морской пехотой – на вход и на выход – были бы куда уместнее.

– Глеб, я, кажется, что-то слышу... – прошептала Лида.

Спецназовцы замолчали, приготовились к экстренному погружению. По водной глади разносилось очень далекое мерное постукивание. Плюс царапающие звуки – будто бы по полу волокли что-то тяжелое, делая кратковременные остановки. словно издевательство какое-то – все быстро прервалось! Пловцы затаили дыхание, пронизали тишину.

Она звенела в ушах – злобная, оглушительная, царапающая барабанные перепонки...

– Думается, это где-то впереди... – пробормотала Лида, до упора погружаясь в воду и устремляя блестящие глаза во мрак подземной штольни.

– Держу пари, что это там. – Караванов ткнул подбородком на левый берег, где чернели узкие проходы к арсенальной штольне с бункерами для хранения ядерного оружия и цехам ремонтно-технической базы.

«А ведь эту махину и за неделю не обойти», – с тоской думал Глеб. Лично он полагал, что товарищи ошибаются – звуки в этом подземелье имеют свойство блуждать по кругу. Он готов был поклясться, что они проистекали с правого берега – из глубин то ли оружейной штольни, то ли минно-торпедной части, то ли из хранилищ горючего...

– Все за мной, – приказал Глеб. – Делаем подозрительные лица, отключаем «громкую связь» и подчиняемся с полуслова. Никаких дискуссий – не забываем, что в спорах рождается не истина, а мордобой.

Проблем с подъемом на «сушу» не было никаких. Берега канала растрескались, бетон крошился и осыпался – здесь было за что ухватиться и куда поставить ногу. Трое пловцов выползли на правый берег и несколько минут лежали, прислушиваясь. От холодного бетона исходил промозглый гниlostный дух. В голову пришла неутешительная мысль о грядущих неудобствах, доставляемых холодом. Октябрь, конеч-

но, в данной части света последний летний месяц, но ночи так себе, переодеться не во что, а до машины, припаркованной у поселковой администрации, далековато... Пловцы перебрались по одному к стене центральной штольни, затаились. Глеб перебежками добрался до плавучего батопорта, закрывшего вход в сухой док. Канал для капитального ремонта субмарин был достаточно «мокрым» – уровень воды здесь был такой же, как в основном канале, и практически достигал монолитных колонн. Заклиненный плавучий мост представлял хаотичное нагромождение бетона, скоб и торчащих штырей, вставить на него было страшновато. Но в стене напротив Глеб обнаружил пустую нишу с обрубками кабелей. Здесь был когда-то шкаф с электрическим оборудованием – и вандалы унесли не только оборудование, но и шкаф. Он включил фонарь на пару мгновений, оценил надежность и глубину отверстия, махнул своим. Караванов и Лида перебежали по одному, скорчились смазанными пятнами. Торопливо избавлялись от аквалангистского снаряжения, заталкивали в нишу криогенные ребризеры, маски с трубками и легочными аппаратами. Лида отрывисто шептала, что хорошо бы переодеться, а то у нее зуб на зуб не попадает. Борька уверял, что это ерунда, гидрокостюмы скоро высохнут, они изделия теплые. А если что, то он охотно поможет коллеге согреться – как насчет активно потискаться? Лида шептала, что он пошляк, а Глеб активно призывал товарищей заткнуться и представить, с чем им скоро придется столкнуться-

ся. А столкнуться пришлось с огромным подземным городом, насыщенным замаскированными ловушками, источающим мистический холодок и явственную жуть...

В планы Глеба входило быстрое обследование оружейной штольни и примыкающих к ней помещений. Если там орудуют чужаки, он их почувствует, пусть они и не станут шуметь... Он не был знаком с инфраструктурой подземного городища. Бегло изучил схематичный план, имеющийся в штабе, но план оказался бестолковым, не учитывал нюансы и запутанную сеть коридоров, ветвящихся, как кротовые норы, и вспомогательных помещений. От первого причала имелся прямой проход в оружейную штольню – там должны остаться рельсы, по которым толкали тележки, вряд ли они смогли бы их просмотреть. И все же он что-то напутал в полумраке – немудрено, вокруг все серое, и боязно надолго включать фонарь... Проход оказался широким, под ногами что-то пузырилось и вспучивалось, хотелось побыстрее уйти из основной штольни, где их могли в любую минуту засечь. Офицеры, вооруженные фонарями, пистолетами и ножами, просочились в широкий коридор и снова несколько минут сидели, прижавшись к стене. Чутье помалкивало, чужими существами в округе не пахло. Однако имелось ощущение, что прямо по курсу расположена большая преграда... через которую, впрочем, можно пройти.

– Смотрите... – приглушенно прошептал Борька, включая фонарь на несколько секунд (все осветительные приборы

установили на рассеянный мерклый свет). Из темноты над головами выбрался выцветший плакат, растянутый на поперечной балке над потолком. «Не всё говори, что знаешь, но всегда знай, что говоришь!» – утверждал наполовину истлевший слоган, с каждым словом которого Глеб был искренне солидарен.

– Значит, этот коридор был общим местом, – в общем-то, логично закончил мысль Караванов.

– Правда, рельсы здесь отсутствуют, – задумчиво вымолвила Лида, водя бледноватым светом по полу.

– Неужели и рельсы унесли? – изумился Борька.

– Наверное, – отозвалась Лида. – А когда их выдрали, еще и пол за собой забетонировали...

– Ладно, за мной, – буркнул Глеб, устремляясь вперед. Возможно, здесь была еще не оружейная штольня, а одно из ответвлений преддоковой площадки, где хранились материалы для ремонта подводных лодок. Тут были посты ВОХРа, служебные помещения, стоянка электрокаров, участок расточных станков для расточки сальников гребных валов подводных лодок. Где-то под ногами насосная станция для откачки воды из сухого дока... Пришлось включить фонарь – у боевых пловцов, конечно, масса достоинств, но умение проныцать темноту в их число не входит. Из темноты выплывали заплесневелые стены, украшенные бурыми разводами, какие-то разлохмаченные вывернутые железки – бывшие консоли и кронштейны, к которым крепились элементы сложно-

го электрооборудования. Идущий слева Борька вдруг сдавленно охнул, дрогнул фонарь – а Глеб уже выхватывал пистолет, одновременно приседая и уходя с линии атаки...

Борису просто не повезло. Когда-то проход в оружейную штольню перегораживали мощные двери противоатомной защиты метровой толщины, способные выдержать качественный ядерный взрыв. Сейчас их створки были приоткрыты, в одну из них и въехал лбом Караванов. Свет от фонаря выхватывал из мрака страдающего молодого офицера, разведенные монументальные двери, окрашенные в косую черно-желтую полосу и снабженные на обратной стороне запорно-стягивающими устройствами.

– Жить будешь? – неодобрительно осведомился Глеб.

– Попробую, товарищ майор, – простонал Борька, явно преувеличивая глубину и тяжесть своих страданий.

– Это все фигня, – компетентно заявила Лида, припадая ко второй двери и беря пистолет на изготовку. – Я тут в прошлом месяце ночевала у подруги. Ночью просыпаюсь – сушняк страшный, пить хочется, темнота колючая. Примерно представляю, где кухня, и иду по коридору, руками перед собой машу, чтобы не ляпнуться во что-нибудь. А дверь как раз наполовину была открыта – слева пусто, справа пусто – и тут как хрясь лбом об ее торец! Вот это да, скажу я вам – искры из глаз, понять ничего не могу, обидно, кто это меня кулаком по лбу...

Караванов хрюкнул, забыв про свои страдания.

– После этого даже пить расхотелось, – грустно заключила Лида. – И синяк на лбу пришлось неделю пудрить... А у тебя, Борька, ерунда, подумаешь, бровь рассек.

Пришлось предупредить словоохотливых коллег, что здесь не «Смехопанорама» – и Глеб первым просочился за двери. В этой части объекта царила полная разруха. Вместо оружейной штольни, они попали в один из ремонтных цехов, расположенных на правом «побережье». Из мглы вырисовывались разинутые пасти канализационных люков, бетонные наплывы в полу, на которых размещались остатки станочного оборудования. Ржавые корпуса токарных, фрезерных, расточных, сверлильных станков, слесарных гильотин – из них удалили всю начинку, а у многих даже оторвали обшивку. Все это смотрелось как-то дико, апокалиптично. Особую прелесть картине придавали свисающие с потолка обрывки проводов и проржавевшие трубы, под которыми явно не стоило ходить. Спецназовцы маневрировали между станками, обогнули круглую станину, напоминающую гигантскую плаху, над которой завис покореженный козловой кран...

Возвращаться назад было глупо – здесь явно имелся проход в оружейную штольню. В правой части цеха зиял провал – паттерна метровой ширины. Она вывела на узкую металлическую лестницу. Десять ступеней вниз, узкий бетонный мешок, от которого убегал в неизвестность очередной коридор. Странно, что эту лестницу не разобрали. Впрочем, пытались отодрать одну из ступеней, не вышло, о рваный край

запнулся Караванов и с ускорением и глухим высказыванием по матушке полетел в дыру.

– И наслал на него Господь десять казней египетских, – беззлобно ухмыльнулась Лида, заблаговременно перепрыгивая через клятую ступень.

– Да, не мой сегодня день, – обнаружил Борька, вырисовываясь из темноты с убитым видом и потирая ушибленное плечо. – Ладно, командир, не смотри на меня, будто я разбил бутылку твоего «Хеннесси». Лучше оцени – я сегодня впитываю все неприятности, которые могли бы достаться вам с Лидушкой.

Спецназовцы застыли, погасив фонари. В этой части подземного мира царила другая тишина – не такая, как в штольне, – глухая, спертая, утробная. И в этой тишине неподалеку капала вода, разбиваясь о каменную подошву.

– Вы, конечно, можете не прислушиваться к моему мнению, а заодно посмеяться над пресловутой женской интуицией, дорогие мужчины... – как-то заковыристо начала Лида, – но когда мы шли по цеху, у меня было просто дикое ощущение, что за нами кто-то наблюдает и крадет. Затылок просто взмок, если вы понимаете, о чем я...

Мужчины помалкивали. Могли бы отшутиться, но устами женщины, как говорится... По глухому сопению Караванова можно было догадаться, о чем он думает. Майора спецназа охватывало то же гадкое чувство. Он что-то ощущал – но было ли это ощущение нависшей над ними опасности? Он со-

мневался, что злоумышленники, промышленяющие на заброшенной базе, станут за ними красться. Сыграют общий сбор, откроют огонь, перебьют к чертовой матери. Хотя кто их знает, честно говоря...

– Мистика... – неуверенно вымолвил Борис. – Здесь витают неприкаянные души безвременно почивших сталкеров... Может, перекурим, круги вокруг себя мелом обведем?... – И охнул, получив под почку острым женским кулачком.

Глеб бесшумно вернулся на лестницу, вновь прокрался по черному коридору, не включая фонарь, и, сжимая рукоятку СПП, застыл у проема, выходящего в разграбленный цех. Несколько минут, укрывшись за косяком, он проницал тревожную тишину – и как-то не возникало ощущения, что сейчас она разразится шквальным автоматным огнем. Всё было тихо. Имелась отличная возможность списать предчувствия и позывы из подсознания на разболтанную нервную систему...

– Никого? – прошептали они хором, когда он вернулся. Он не стал им ничего отвечать, просто раздвинул и проник в очередной коридор, в котором было темно и неудобно...

По-видимому, строители не везде пробивали скальное тело горы, иногда, во имя экономии сил и средств, использовали уже существующие полости в камне. На этот раз они уперлись в лестницу, ведущую вверх, и вскоре оказались в низкой галерее, которую подпирали несколько рядов каменных колонн. В лучшие времена здесь был склад металлических из-

делий. Между колоннами громоздились остатки стеллажей. Многие из них были выдраны, распилены «болгарками». Но не везде дотянулись руки «хватких хозяйственников». Как-то зловеще, сюрреалистично смотрелись вмурованные в потолок верхние стойки стеллажей, покосившиеся полки, проржавевшие опоры – при полном отсутствии их нижних частей! Казалось, что эти нелепые конструкции парят в воздухе. Временами отдельные из них падали под собственным весом, о чем наглядно свидетельствовали разбросанные по полу фрагменты полок, опор и перекладин.

Охнул Борька где-то справа. И снова волосы дыбом – куда его опять?!

– Снова упал? – проворчала Лида, крадущаяся вслед за Глебом.

– Упал, да не я... – утробно сообщил Караванов. – Посмотрите, ребята, это просто праздник души какой-то...

В полу, у правой стены этого странного помещения, располагались люковые закрытия. Продолговатые рифленые крышки тянулись в ряд друг за дружкой. У крайнего люка, крышка на котором была удалена из створа и валялась рядом, сидел на корточках Борька и чувственно сопел. Глеб пристроился на корточки, и сразу же в затылок задышала любопытная Лида. Подпол был довольно глубоким. В стороне на мощных металлических опорах громоздились двигатели, редукторы, извивы конусных и цилиндрических труб – привод системы вентиляции – все оборудование покрывал

толстый слой ржавчины и пыли. А прямо в створе люка, рядом с этим постаментом, лежал разложившийся покойник – вернее, то, что от него осталось, а осталось, честно говоря, немного. Человеческие останки смотрелись не очень жизнерадостно. Плоть и одежда от постоянной сырости давно сгнили, остался лишь скелет, на котором, словно игрушки на новогодней елке, висели остатки материи и ошметки внутренних органов. Тело, очевидно, сбросили – оно пребывало в неестественной вывернутой позе, нижняя часть лежала, а левая прислонилась боком к стене, и голова при этом задралась. На опешивших спецназовцев скалился обглоданный крысами череп, на макушке которого еще сохранились пучки безжизненных волос. Такое впечатление, что этот улыбочивый житель подземелья горячо приветствовал российских спецназовцев на их исконной земле...

– Бодрит, товарищ майор. Неплохо здесь, даже трупы улыбаются... – сглотнув, пробормотал Борька и посмотрел на командира таким взглядом, словно поймал букет на похоронах.

– А главное, дисциплинирует, – добавила Лида, – и заставляет держаться подальше от сомнительных конструкций. Глеб, как ты думаешь, зачем он туда забрался?

– Столкнули парня, – прошептал Глеб. – Причем уже мертвого и в далеком лохматом году. В коллективе охотников за цветметом царила не самая благожелательная и товарищеская атмосфера. Не поделили чего-то, а может, конку-

рента замочили и сбросили с глаз подальше, позабыв при этом поставить в известность правоохранительные органы.

– Надеюсь, в нашем коллективе такого не будет... – утробно проорчала Лида.

– Ни в коем случае, – подтвердил Глеб. – Я не сомневаюсь, что в нашем коллективе будет царить доброжелательная и позитивная атмосфера – до тех пор, пока вы не станете тормозить у каждой достопримечательности, как на экскурсии, и прекратите, черт возьми, меня злить...

Как-то сразу засуетились, чтобы тронуться дальше, Лида попятилась. И вдруг раздался странный звук, от которого все застыли. Холодная змейка поползла по пояснице. Словно кто-то у них за спиной тоже попятился и споткнулся! Минута ступора, впрочем, не затянулась. Рассыпались, готовя пи-столеты к стрельбе, ошибиться трудно, источник звука находился позади них. Глеб свалился на пол, перекатился, ударившись о колонну, выждал несколько мгновений, дабы удостовериться, что над головой не пролетит ничего, похожего на пулю. Бросился на звук, виляя, как заяц, и одновременно переключая фонарь на концентрированный свет...

В проходе между колоннами никого не было! Прошуршало справа – Борька перекатился под «висячими садами», чтобы зафиксировать чужака в соседнем ряду. Лида на левом фланге помчалась, пригибаясь, чтобы перекрыть пути к отступлению этому поганцу. Вроде все по науке...

Они сходились, медленно, неотвратно, освещая про-

странство скрещенными лучами. Слух – на полную «громкость», боковое зрение – на максимум. Никого тут не было, черт возьми! Бетонный пол, заваленный хламом и крошечным, остовы стеллажей, просматриваемые насквозь. Либо человек, висящий у них на хвосте, необычайно ловок и проворен, либо у всех троих разыгралась мания преследования...

– Может, крыса? – неуверенно предложил универсальное, а главное, удобное решение Караванов. Он качался, как маятник, фонарь в руке совершал замысловатую траекторию, вырывая из мрака предметы «интерьера».

Лида опустилась на корточки, принялась осматривать и обнюхивать пол – такое ощущение, что по полу ползала гибкая пантера.

– Может, и крыса, – вздохнула она.

В эту минуту и Глеб засомневался. Хорошо, пусть этот ловкач умеет быстро бегать и оставаться незаметным. Но тут повсюду разбросан металл. Он не может в темноте, спасаясь бегством, наступать туда, где не валяется мусор. Обязано загреть! Но все было тихо. Чертовщина какая-то. Похоже, спецназу в этой жизни есть чему поучиться, нечего тут корчить всезнающих и всеумеющих...

Они удалялись из зала в спешном порядке, озираясь и освещая пространство, оставшееся позади. Пару раз Глеб чинил засады за поворотами, сжимался в пружину, вострил уши, но хоть бы шорох услышал! Похоже, версия о внезап-

ном грызуне (или кто тут еще обитает?) имела право на существование. Он крупно сожалел, что вовремя не повернули назад – так бы они значительно быстрее добрались до оружейной штольни. Приходилось двигаться запутанными коридорами, уводящими то вглубь, то ближе к каналу, опасными тропами с коварными «волчьими ямами», и уже возникали серьезные сомнения о единстве времени и пространства в этом проклятом «городе Зеро». То расстояние, что вдоль канала можно было пройти за полминуты, здесь оборачивалось часовым хождением! Каково же было изумление, когда он первым вывалился в широкий коридор, идущий перпендикулярно водному каналу, и оценил объем пространства. Здесь было чем дышать! Царили сквозняки, и снова подзабытый холодок забирался в позвоночник. Он шмыгнул к стене, прикрутил яркость фонаря, мысленно сокрушаясь, что когда-нибудь их вычислят по этим светлячкам. Какое-то неприятное дежавю! Такой же коридор с изъеденными плесенью стенами, клыками проржавевших кронштейнов. На стенах – следы от выжигания цветного металла. Такой же плакат на поперечной балке. Те же распахнутые двери противоатомной защиты в нескольких метрах от «зоны высадки»! Впрочем, мысль о хождении по кругу оказалась несколько преждевременной. Присмотревшись, он обнаружил в коридоре несколько различий. Во-первых, здесь имелся рельсовый путь. Во-вторых, содержание плаката отличалось от предыдущего. «Строго храни военную и государ-

ственную тайну!» – призывал слоган, и с этим призывом Глеб был полностью согласен. Тайны надо хранить, на то они и тайны. У товарищей хватило ума воздержаться от комментариев, за что он был им премного благодарен. Лида переметнулась к правой стене, Караванов держался сзади, решив, что хватит на сегодня шишек и ссадин. «Морские дьяволы» бесшумно перетекли через раскрытые двери (каждая весом с небольшой оснащенный катер) и оказались в подобном коридоре, но уже повыше. От него отпочковывались паттерны и двери, зияли смотровые люки, технологические шахты. «Бред, – с нахлынувшим раздражением подумал Глеб. – И куда теперь? Зачем мы здесь – никогда не бывавшие на этом объекте? Неужели нельзя было включить в группу человека, знакомого с его инфраструктурой?» Впрочем, и этот хрен был редьки не слаще. Все, знакомые с инфраструктурой базы, уже давно на пенсии – хорошо бы смотрелись пожилые люди в компании боевых пловцов, которым нужно действовать быстро и незаметно. А у многих специалистов до сих пор не закончился срок подписки о неразглашении...

Метров через пятнадцать они уткнулись в громоздкую тележку-платформу, предназначенную для езды по рельсовым путям. Вместительная, низкая, состоящая из минимального количества узлов. Тележка весила не меньше тонны, и разобрать ее было невозможно. Она стояла на рельсах как ни в чем не бывало, и на пустом месте возникло ощущение, что ей недавно пользовались...

Да нет, это было не ощущение!

Лида, чувствительная к разным мелочам, в особенности к запахам, внезапно напряглась, нагнулась, состроила кислую физиономию.

– Ну-ка, ну-ка, товарищи офицеры... – Она обследовала носом залитую алюминием платформу и попятилась – как уважающий себя кот от украинского борща. Распрямилась, сделала нос по сквозняку и принялась пытливно принюхиваться. Глеб благоразумно помалкивал – нюхачом он был посредственным. Караванов также не вмешивался в процесс, но решил заняться чем-то полезным – он сел на корточки, направил свет на рельсы и принялся в них ковыряться, после чего произнес дрогнувшим голосом:

– Я, конечно, извиняюсь, но недавно эта тележка... ездила. Глеб, посмотри, колея продавлена...

Он не стал проверять – привык доверять людям, которых лично отобрал для дела. Теперь он тоже ощущал распространяющийся по коридору неприятный сладковатый запах. Так пахнут обычно... Офицеры застыли. Не стовариваясь, выключили фонари и почувствовали, как волосы на головах начинают самопроизвольно шевелиться. Вариантов, собственно, не было. Напротив тележки располагалось лишь одно помещение – с широким приземистым проемом. Дверь отсутствовала – возможно, унесли, возможно, ее тут и не было. Тошнота поднялась из желудка, встала в угрожающей близости от горла. Глеб уже догадывался, какой сюрприз уготован

в помещении. Можно не заглядывать, дело хозяйское, особо и не хотелось... Он сжал рукоятку пистолета и какой-то плавной, вальсирующей походкой приблизился к косяку. Запашок усилился, возникло желание надеть противогаз. Чутье подсказывало, что за дверью нет ни одной живой души. Но какие-то души там, бесспорно, присутствуют. Разумом он понимал, что общение с мертвецами безопаснее, чем общение с живыми людьми, но рассудок эту истину решительно отвергал. Он набрался смелости, включил фонарь и шагнул в замкнутый прямоугольный склеп, уставленный остовами вентиляционных устройств...

Энергетика в помещении царила убийственная. Осколы мертвецов, перекошенные лица, вопиющие глаза... Тела молодых парней в форме солдат украинской армии лежали вповалку. Их было до неприличия много, больше десятка. Камуфляжная униформа с «желто-блакитными» шевронами, форменные кепи с державным символом, еще не стоптанные солдатские ботинки – все было залито и пропитано кровью. Юнцы – большинству еще не было двадцати, неопытные салажата. Рядовые, ефрейторы, относительно мускулистый парень с сержантскими лычками. Один офицер – тоже молодой, русоволосый, в элегантной полевой форме, его лицо было исковеркано больше, чем у прочих, впитав посмертную муку. Его убили самым зверским образом, искромсав ножами, а заключительный удар нанесли по горлу, украсив

его рваным «воротником» из застывшей крови. Вероятно, этот парень был единственным, кто осмелился оказать сопротивление. За что и поплатился, умирая долго и мучительно. Остальных расстреливали – видимо, ставили на колени и пускали пулю в головы. Они умоляли, просили, но, похоже, никто не сопротивлялся...

– С каждой минутой становится как-то напряженнее, – на тужно пошутил Караванов, справляясь с тошнотой. – Мы как северные корейцы – работаем не за страх, а за ужас...

– Одиннадцать человек, эх, парни, парни... – бормотала Лида, отступая к двери и вываливаясь в коридор. Там ей, видимо, было лучше. Сноп света выстрелил влево, выстрелил вправо – запоздалая проверка, не подкрадывается ли кто-то к склепу.

«А должно быть двенадцать», – подумал Глеб, ошеломленно разглядывая груды мертвой органики. Солдат и их командиров перестреляли сутки или двое тому назад – лица бойцов покрывали трупные пятна, но активная фаза разложения еще не началась. В целом понятно, почему подразделение, откомандированное на охрану объекта, больше суток не выходило на связь.

– Я тоже, пожалуй, пойду, – не выдержал Борька и шмыгнул за порог. Глеб вывалился последним, зажимая нос и сопротивляясь рвотным рефлексам. Пловцы отступали, прижимаясь к стене, и, только отдалившись метров на пятнадцать, остановились, сели на корточки и выключили фонари.

Висела тишина, нарушаемая прерывистым дыханием.

– Я теперь неделю есть не буду, – убитым шепотом сообщила Лида. – Отличное средство для похудения... Что за ужасы, Глеб? Какие звери тут орудовали? Зачем убивать такое количество молодых парней? Ну, изолируй, свяжи, оттащи их в дальний склеп, выстави охрану. Не понимаю, зачем убивать?

– Я так думаю, что огорчаться уже поздно, – обнаружил Борька.

– Будем радоваться? – удивилась Лида.

– Почерк не чеченский, – заметил Глеб. – Даже невзирая на то, что офицеру перерезали горло. На рядовую криминальную группу не похоже – не припомню, чтобы заурядная братва занималась массовыми уничтожениями военнослужащих. А в общем что-то вырисовывается, коллеги. На объекте работает многочисленная группа, до зубов вооруженная стрелковым оружием. О роде деятельности гадать не будем, но, вероятно, дело важное, раз идут на радикальные меры. О связи с местными столоначальниками можно и не говорить – только люди с большими возможностями могут отдать приказ военным не выяснять, почему караул не выходит на связь. Такое положение может продлиться сутки, может двое, но после этого правда вылезет, и причастные лица обязаны это понимать. Значит, они планируют закончить дело быстро – не исключено, что речь идет о нескольких часах...

– Глеб, но нас всего трое, – совершенно верно заметил Борька. – Нет, ты пойми меня правильно, я не трус, если прикажешь – пойду в атаку с отличным настроением, но... Где нам искать этих злоумышленников? Год возиться будем. Тут одни привидения да мертвые с косами...

– Борька хочет сказать, что лучше смазать лыжи, чем склеить ласты, – перевела на доступный русский Лида.

– Да нет, все правильно он хочет сказать, – отмахнулся Глеб. – Положение аховое, нужно лиять отсюда и бить тревогу во все склянки. Пусть перекрывают катерами входы и выходы, высаживают морскую пехоту и прочесывают эти лабиринты. Не все же высшие офицеры украинской армии в стоворе с ублюдками? Неужели им так нравится, что кто-то убивает их солдат? В общем, слушай мою команду, бравая рота. – Он посмотрел на часы – фосфоресцирующие стрелки показывали половину одиннадцатого вечера. – До канала – не больше семидесяти метров. Про баллоны с кислородом забыли – не до них. Поднимите руки, кто не сможет проплыть под водой сто метров? Разрешаю вынырнуть только в бухте. Десять минут на форсирование водной преграды, еще десять, чтобы добраться до машины. Итого, не позднее одиннадцати мы должны телефонировать из машины Бекшанскому, и пусть решает высокое начальство, на какие клавиши надавить, чтобы все проделать быстро. Готовы к броску?

– Да готовы-то готовы, – пробормотал Борька. – Надеюсь, жизнь не внесет коррективы в твои благие планы?

– Да типун тебе на язык... – возмутилась Лида.

– Не успеет внести коррективы, – усмехнулся Глеб и с пистолетом наперевес устремился вдоль стены...

Накаркал, чертов болтун, разрази его гонорея! Человек, возникший в проходе по левую руку, не успел спрятаться – мелькнула тень, загремело железо! Было слышно, как он отступает, пятится. Глеб затормозил – какого черта? Запоздалое включение – та самая «крыса», что улизнула из-под самого носа! Он резко дал по тормозам, не особо заботясь мыслью – зачем?! Ну, стоит, ну, крадется за ними, следит, да и хрен с ним! Сто к одному, что этот тип не имеет отношения к людям, умертвившим одиннадцать человек, – не стал бы он тут красться и выслеживать, а давно бы привел своих стрелков!

Он пролетел через проем, и товарищи машинально повернули за ним. И какой конфуз! Боевому майору российского спецназа, съевшему собаку на подобных штучках, поставили банальную подножку, он обронил фонарь (хорошо, не голову), совершил хватательное движение, но промахнулся – только ветер засвистел, когда незнакомец пустился наутек! А Дымов ударился плечом о стену, устоял, но в голове воцарились разброд и шатание. Он рухнул на колени, кинулся ловить убегающий фонарь (тот катился, как Колобок, сволочь!), сзади на него налетел набравший инерцию Караванов... и еще один конфуз для майора прославленного мор-

ского спецназа!

Он отлетел к фонарю, схватил его, начал шарить лучом света и обнаружил дверной проем в глубине помещения, за которым сверкнула пятка убегающего человека!

– Борька, хватай его! – прохрипел Глеб.

– Понял, командир... – ахнул Караванов, пролетая мимо. – Будет выглядеть как несчастный случай, можешь не беспокоиться...

– Борька, стой! – опомнившись, выплюнула Лида, вбежавшая последней. – Вы что, с ума посходили?!

Караванов встал, как будто треснулся лбом о гранитную преграду:

– Ты чего, Лидунь?

– Да вы головой подумайте! – зарычала девушка, колотя себя пистолетной рукояткой по макушке. – Одной на двоих! Заняться больше нечем? Оставьте этого прыгуна в покое – он нам не помеха, не поняли еще?

Свалилось наваждение. Глеб опомнился – да что же у них, действительно других забот нет?! Он готов пережить унижение и отбитое плечо! Он зашипел, чтобы все валили из этой темноты к чертовой матери, и люди бросились обратно – даже Борька, которому, в сущности, было все равно, в какую сторону бежать. Немного потеряли, каких-то полминуты, а такое чувство, что упустили что-то важное, поезд ушел, все пропало! Они бежали трусцой по широкому коридору – мимо дверей противоатомной защиты, мимо плаката, призыва-

ющего хранить и беречь военную тайну. Мягкая обувь скрадывала шум, их не слышали из центральной штольни, и все же, подбегая к ней, Глеб перешел на шаг, а последние метры крался на цыпочках, потом припал к косяку, опустился на колени.

И похолодел, высунув нос в штольню...

Он чувствовал воду, она была рядом. Можно подползти, перетечь в нее, используя навыки скольжения и «текучести». Уйти на дно, а там держать пари, что никто не заметил. Но он не спешил. До «арочного» мостика перед сухим доком, протянувшегося под потолком штольни, было метров семьдесят. С правого берега на мостик взбиралась цепочка мерцающих «мистических» огоньков...

Глеб затаил дыхание. Людей, форсирующих водную преграду, было много – судя по количеству светлых пятен. Не меньше десятка. Люди покидали коридор, с которого боевые пловцы начали ознакомительную экскурсию (странно, что не столкнулись). Фонари у них были закреплены на головах, работали в экономном режиме, отчего просматривались только огоньки, и ничего больше. Возможно, они что-то переносили – мерцающая вереница желтых пятен ломалась, огоньки уходили то вверх, то вниз, отставали друг от друга, сближались. Люди не разговаривали, в противном случае звуки голосов неплохо бы разносились по воде. Лишь временами что-то брякало, ударялось, пару раз кто-то негромко кашля-

нул...

Смотрелось это шествие в высшей степени эффектно. Казалось, что огоньки путешествуют сами по себе. Впечатленные товарищи дышали в затылок, прятались у него за спиной – одна практически под мышкой, другой клацал зубами в ухо.

– Огни святого Эльма, блин... – прошептал Борька.

– Да тихо ты... – отозвались одновременно.

С правого берега на мост вела вполне сохранившаяся лестница. Ведомый огонек покорила пролет и медленно передвигался по мосту. Поскрипывала проржавевшая конструкция. Остальные с небольшим отставанием тянулись сзади. Ноша, по-видимому, была нелегкой – «носители» сопели и отдувались. Вот первый огонек пересек арочный пролет, начал спускаться, за ним второй, третий...

Словно зачарованные, спецназовцы наблюдали за таинственным дефиле. Видит бог, на это несчастье хватило бы мощного фонаря и автомата Калашникова с тремя снаряженными магазинами!

Вереница людей спустилась с моста, теперь они тащились по левому берегу. Мутно очерчивались силуэты. Физически развитые мужчины, плечистые – первые двое двигались налегке, за ними двое что-то тащили, следующую ношу переносили сразу трое, и замыкала шествие, немного приотстав, еще парочка. Пловцы напряглись – еще немного, и шествие поравнялось бы с ними. Но люди стали сворачивать, пропа-

дать – в противоположной стене был проход в арсенальную штольню. Один из тех, что двигался первым, остался снаружи, отступил, освобождая проход, пропускал товарищей. Люди проходили мимо него – в тягучем молчании, никто не проронил ни слова. Не осталось никого, кроме одиноко мерцающего огонька. Он постоял немного, было слышно, как человек переминается с ноги на ногу. Возможно, он чувствовал чужой дух в обозримом пространстве. Или хотел удостовериться, что в «зоне ответственности» все в порядке. Такое ощущение, что он смотрел на затаившихся в проходе пловцов. Неприятный холодок пощипывал загривок. Дикое чувство, что с этим человеком Глеб уже встречался! Как он может такое чувствовать, если даже не видит, с кем имеет дело? Парень с золотой цепью из Калабановской бухты?

Глухое покашливание, незнакомец пропал – словно растворился, пройдя сквозь стену. Несколько минут помалкивали – опытных бойцов на мякине не проведешь.

– Ну, в общем-то, любопытно, не без этого, – преувеличенно бодро заметил Караванов. – Но если память не изменяет, мы собирались немного в другую сторону, нет? Молчишь, командир? Или у меня уши от страха заложило?

– Неплохая, кстати, возможность... – обреченно, словно ее насильно к этому вынуждали, вымолвила Лида. – Сдается мне, если через пару часов раскачаются наши и украинские силовики, может утечь много воды. Где их искать? Как их искать? Люди попадут в засаду, обязательно будут жертвы...

А если мы сейчас, не затягивая резину, упадем им на хвост, хотя бы проследим, где эти твари орудуют, чем занимаются, какими силами располагают... Нам ведь ничто не мешает разведать местность и продолжить свой путь на волю, Глеб? Но мы уже будем располагать хоть какой-то информацией...

Глеб усердно размышлял. Он же не компьютер – переработать за несколько секунд такой массив данных! Лида права на все сто – имеется уникальная возможность сесть упырям на хвост и проводить их до места, где они засели! Не имея ниточек, в хаосе левого берега завязнет целая армия. Что там у нас, в «левобережье»? Главный объект – арсенальная штольня. Несколько бункеров для хранения ракетного и ядерного оружия – сквозной, извивающийся (для ослабления ударной волны) тоннель, закрываемый двумя 20-тонными воротами. Там же многочисленные мастерские, где собирались и разбирались ядерные боеголовки. Цеха по ремонту и осмотру деталей и узлов подводных лодок. Пресловутый объект «Арсенал» – техническая и погрузочная площадки, локальная зона, большой транспортный коридор, бесчисленные склады, жилые помещения, основной и запасной командные пункты, вспомогательные технические помещения в нескольких уровнях, в том числе глубоко под землей... Черт ногу сломит! Но леса бояться – к волкам не ходить, разве не так? И странная мысль: а тот, кто путается под ногами у спецназа – он тоже увяжется за пловцами? Или такой отвагой этот тип не обладает?

Гидрокостюмы уже подсохли, и снова их мочить, а потом загибаться от холода не было никакого желания. Они неслись на цыпочках до сухого дока, где запрятали свои акваланги, взбирались на мостик, не отличающийся солидностью конструкции, но, судя по тому, что выдержал десяток мужчин с грузом, еще живучий. По одному перебежали узкий пролет, хватаясь за хрупкие перила, скатывались вниз... Коридор, в котором растворились незнакомцы, не был основным проходом в арсенальную штольню (надежный индикатор – отсутствие рельсового пути). И это насторожило, хотя и не заставило свернуть с выбранного пути. Они по одному просачивались в коридор, прижимались к липким стенам. На коротких прямых участках на свой страх и риск включали фонари – вариантов не было, запнуться и загреть было не лучшим решением. Проходы извивались – голые бетонные коридоры с кое-где сохранившимися трубами, на совесть приваренными к кронштейнам, с решетками вентиляционных отдушин, голыми жестяными плафонами. Они останавливались через каждые десять метров, прислушивались, ускорялись, обеспокоенные тишиной. На поворотах притормаживали, на рожон не лезли. Убеждались, что все чисто, шмыгали дальше.

Сравнительно широкая паттерна, заваленная неподъемным ломом. Перелезли через баррикаду (Караванов при этом придушенно шептал, что на просторах бывшего СССР еще полным-полно мест, где нет ни дураков, ни дорог)...

и внезапно коридор завершился голой стеной с выцветшей инструкцией по обращению с торпедными энергетическими компонентами. А влево и вправо убегали коридоры поскромнее...

Глеб приглушенно выругался матом. Бросил, опомнившись:

– Прошу прощения.

– Да ладно, – фыркнула Лида. – Я сама подумала о том же.

– Налево пойдешь... – меланхолично забормотал Борька. – Направо пойдешь... Бросим монетку, товарищи?

– Сидим и слушаем, – шепнул Глеб.

Услышали! Шаркали подошвы где-то справа, одного из ходоков пронзил приступ астматического кашля, и он никак не мог успокоиться. И снова морские разведчики крались за потенциальным противником. Бесконечные извивающиеся коридоры превращались в монотонную карусель. Ходы сообщений, очевидно, предназначались для технического персонала с узкой спецификой. В сумрачных примыкающих помещениях возвышались обросшие плесенью холодильные установки, вентиляционные агрегаты, компрессоры, в глубоких шахтах мерклый свет выхватывал из мрака лопасти гигантских вентиляторов. Расширялся проход, подуло свежим воздухом – и екнуло сердце: похоже, окольными путями они добрались до знаменитой арсенальной штольни, представляющей огромную, выдолбленную в земле, капсулу. Почему так сложно? Вывод напрашивался единственный: со стороны ка-

нала проход в штольню заблокирован мощными 20-тонными воротами, и загадочным злоумышленникам приходилось выискивать обходные пути, но с этой задачей они, кажется, справились...

Темнота густела, размыкалось пространство, а где-то впереди, метрах в тридцати, двигалась группа людей. Колыхались смазанные тени, блики от фонарей перебегали со стен на потолок, разливались по полу, заваленному цементной крошкой. Включать фонари было смертельно опасно, стоило лишь кому-нибудь из этих людей оглянуться...

Отсеки здесь были как в подводной лодке. Стена вдруг ушла куда-то в сторону, Глеб застыл, едва не оступившись, – запляшет на цементной крошке, и все, привет... Он судорожно ощупывал стены, скользнул куда-то вбок. Коридор преобразался в цех, стены отступали, но пока не пропадали. Он уже забыл, что штольня постоянно делает повороты влево-вправо. Из темноты выплывали массивные колонны, мертвые громады станочного оборудования, стенды для проверки механизмов и устройств, приземистые столы, вмурованные в пол. Выползали из памяти странные определения: «зал регламентных работ», «техническая площадка», «локальная зона объекта «Арсенал»... Мастерская по сбору и разбору ядерных боеголовок... Механики работали за подобными столами, за каждым – отдельная, особо обученная и натасканная бригада. Никаких разговоров, никаких перекуров, все внимание – на работу. Только лаконичные фра-

зы, они сопровождали отточенные движения: «Распрямяю пассатижами шпильку на четыре миллиметра, стопорящую гайку номер шесть. Извлекаю ее из узла». И специально обученный человек заносил эти слова в журнал. «Беру ключ девять на двенадцать, проворачиваю гайку номер шесть на четыре с половиной оборота против часовой стрелки». И снова всё записывалось, и это не было странным, учитывая, с чем в обнимку работали эти неизвестные, но, безусловно, героические люди...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.